

обрѣтаетъ безъ идеализаціи. Для того чтобы получилась красота — все равно, эстетическая или этическая, не надо украшать. У Вареньки на балу видны были „худые, острые локти“: другой писатель ихъ навѣрное бы округлилъ или спряталъ; но Толстой этого не сдѣлалъ, и Варенька ничего не проиграла, — наоборотъ. Такъ и вся жизнь нигдѣ у Толстого не подкрашена ложью. Онъ больше всего цѣнитъ святость, духовность, тишину и нравственное возрожденіе; но и побѣгъ Василія изъ тюрьмы описанъ возбужденно, воодушевленно, во всѣхъ подробностяхъ — и съ такимъ радостнымъ сочувствіемъ. Жажды жизни да будетъ утолена, и кто хочетъ и можетъ, пусть живеть во всю ширь своей натуры! — это совмѣстимо съ благоговѣйнымъ преклоненіемъ передъ такими людьми, которые отъ своей жизни сторонятся ради чужой, не берутъ, а даютъ, и кроткими, блѣдными ангелами проходятъ свой намѣренno-тернистый путь. Вотъ Марья Семеновна, жившая для другихъ; она и смерти, убийцѣ не противилась, не подняла для защиты руки, а только прижала ихъ къ груди и сказала убийцѣ своему: „... что ты, пожалѣй себя... чужія души, а пуще свою губиши“. Вотъ самый этотъ убийца, длиннорукій Степанъ; замучила его совѣсть, но исцѣлила его сама же Марья Семеновна съ перерѣзанной шеей, являвшаяся ему въ безсонныхъ ночи, простила его, и выучился онъ читать Евангеліе, изъ преступника стать праведни-